

THE TEMPLE OF ACHILLES ON THE ISLAND OF LEUKA IN THE PONTUS EUXEINUS

A.S. Rusyayeva

Modern classical scholarship has two approaches to the interpretation of the plan of the temple of Achilles on the island of Leuka, made by Russian Black Sea Navy Captain-Lieutenant N.D. Kritsky in 1823. Some scholars definitely identify it with this temple without any doubt, while others believe that this vast square building does not match any of the known types of Greek temples. The analyzed data of the ancient writers about this temple show that it was regarded as the main sanctuary of the island and a dwelling-place of the divine Achilles during many centuries and was called by the same terms which were applied to the temples of gods.

The author presents a new interpretation of Kritsky's plan, taking into consideration some discrepancies in the stratigraphy of the foundations, the division of the «square» into two halves by an axe going from south to north, comparative metrology and orientation of temples in Miletus and its late Archaic colonies. This complex analysis makes it possible to conclude that the plan taken from the central height of the island, is an *in situ* plan of foundations of two temples, similar in their layout, but constructed at different times. The earlier one was analogical in its architectural decoration, layout, orientation and metrology to the Olbian temple of Apollo Ietros of the last quarter of the 6th – last quarter of the 5th century BC. The later temple must have been constructed during the last quarter of the 4th century BC by the citizens of Olbia in accordance with the proportions of the earlier one. This variant of interpretation of Kritsky's plan removes any doubt that this temple should be identified as the temple of Achilles.

© 2004 г.

А. И. Любжин

ЛАТИНСКАЯ ОБРАЗОВАННОСТЬ И РИМСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В РОССИИ В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА *

Чтобы знать критически самое темное время русской истории, надобно знать по-немецки! В нашей учености и в нашей литературе есть что-то чудное, не такое, как у всех; а все нет оригинальности! Блажен потомок, который уразумеет объяснить это!

А я объясняю это тем, что у нас нет терпения, мало любви к литературе; что просвещение не разлилось ровно, а скопилось в одном углу, в который большая часть людей грамотных и не заглядывают!

М.А. Дмитриев. Мелочи из запаса моей памяти.

Регулярная школа средней и высшей ступени появилась в России сравнительно поздно. Потому первый, по-видимому, русский почитатель римской

* Работа выполнена по проекту «Антиковедение в России и Европе» № 02-06-80226-а при грантовой поддержке РФФИ.

От редакции. Рецепция (восприятие) античного наследия в позднейшие эпохи – важная тема, которая все более и более активно разрабатывается в современном антиковедении. Античное наследие оказало огромное влияние на дальнейшее развитие человечества; античные идеи, символы, понятия вкраплены в современную цивилизацию, стали органической ее частью.

Редколлегия и редсовет «Вестника древней истории» решили обратить внимание авторов и читателей журнала на эту тему, поскольку она стала восприниматься ученым сообществом как неотъемлемая часть антиковедения. При этом мы понимаем, что тема эта широка (если не необозрима) и имеет несколько аспектов, из которых историографический и культурологический наиболее заметны. Особое внимание, естественно, предполагается уделить проблеме рецепции античности в России.

литературы, о котором мы достоверно знаем, что он владел латинским языком и читал авторов в оригинале, изучил его уже покинув отечество – князь Андрей Курбский писал Ивану Грозному: «А всяко посылаю ти две главы, выписав от книги премудраго Цицерона, римскаго наиплепшаго синглита, яже еще тогда владели римляне всею вселенною. А писал той ответ к недругом своим, яже укаряше его изогнанцом и изменником...»¹. В допетровскую эпоху переводческая деятельность не может развернуться широко, поскольку от книг ищут либо практического научения, либо духовного наставления; вторая задача решается греческими Отцами Церкви, а первая – по большей части более новой литературой. Тем не менее есть и свидетельства знакомства с латинской литературой античной эпохи. Краткую грамматику Доната переводит в молодости Дм. Герасимов и отправляет архиеп. Геннадия из Рима ок. 1491 г.² Одна из первых книг – «География» Помпония Мелы, известная в рукописи XVI в.³ В XVII столетии – в связи с проникновением западных, прежде всего польских мод – появляются и знатоки латыни, находящие себе поприще при дворе и благодарных учеников (Симеон Полоцкий, Сильвестр Медведев)⁴. В 1667 г. Россия получает по Андрусовскому перемирию Левобережную Украину с Киевом и Киево-Могилянским коллегиумом – учебным заведением, изначально ориентированным на борьбу с католицизмом его же оружием, где латинская образованность была на высоком уровне. Отсюда на широкое поприще государственного и церковного строительства выходят Стефан Яворский и Феофан Прокопович. Затем в 1680-х годах создаются Типографское училище (на греческой основе) и Славяно-Греко-Латинская академия, вокруг которой сразу же разгорается нешуточная борьба. Враги католического влияния (группирующиеся вокруг молодого Петра Алексеевича) пытаются противостоять усилиям «западников»; в одном из анонимных памфлетов той эпохи можно столкнуться с такой характеристикой латинской образованности⁵:

Тако бо латинское учение прелестно, яко нож медом намазанный: значахла лижуцим сладок и безбеден мнится, и елико больши облизуется, толико ближше гортаню ближится и удобно лижущего заколет и смерти предаст. А яко латинский язык скуден и убог по себе самому и за скудость свою овогда употребляет еллинская речения и имена, овогда же иными реченми изменяет.

¹ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Текст подготовили Я.С. Лурье и Ю.Д. Рыков. М., 1993 (репринт издания 1981 г.). С. 110. Впоследствии это место из письма Курбского использует А.К. Толстой в трагедии «Смерть Иоанна Грозного».

² См. *Соболевский А.И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков // Сб. Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 74. СПб., 1903. С. 52 сл. (с отдельной пагинацией). С. 122.

³ Там же. С. 52 сл. (с отдельной пагинацией): «Нам известны два списка: Арх. Мин. Ин. Д. № 514–995, несомненно XVI века, приблизительно половины этого столетия... и Чудова мон. № 347, XVII века; в обоих одна первая книга географии». Там же. С. 109: «Книги Иулиа Фронтинна, сенатора римского, о случаях военных, на четыре части разделенныя» (М., 1692). Единственный известный экземпляр был поднесен Петру; перевод сделан с польского языка.

⁴ См. об этом: *Воробьев Ю.К.* Латинский язык в русской культуре XVII–XVIII веков. Саранск, 1999. Опись книг Сильвестра Медведева, составленная после его казни, содержит такие вещи, как «...книга Цицерон, опера Умния... книга Тертулиан; книга послание Кикероново... книга Тита Ливия Патавского о историях – латинская; послание Кикероново к домашним... книга Плаута комика – латинская» (*Смирнов С.* История Московской Славяно-греко-латинской академии. М., 1855. С. 42). Сохранилась и рукопись «Гражданство обычаев детских», где правилам поведения наставляють с помощью цитат из Горация, Овидия, Ювенала, Теренция и других классиков. Переводчик, как полагает А.И. Соболевский, – едва ли не Епифаний Славинецкий (Ук. соч. С. 163 сл.).

⁵ Годичный акт в Московской Духовной академии 1 октября 1889 года. О греко-латинских школах в Москве в XVII веке до открытия Славяно-Греко-Латинской Академии. Речь, произнесенная на публичном акте Московской Духовной академии 1 октября 1889 года экстраординарным профессором Н. Каптеревым. М., 1889. С. 57.

Братья Иоанникий и Софроний Лихуды, с именами которых связан первый период деятельности Академии, – ревностные сторонники эллинского просвещения и враги латинского; но уже вскоре – на рубеже веков – в преподавании восстанавливается равновесие, и латинский язык обретает равные права с греческим.

Секуляризованное просвещение – прежде всего в утилитарных, а не академических формах – проникает в Россию с Петром. Расширяется и круг переводных памятников (Курций, Цезарь, Флор, Ливий, Валерий Максим, Овидий; последний – с польского языка)⁶. Гимназия пастора Глюка в Москве скоро прекращает свою деятельность, цифирные школы не удаются. Уже при Екатерине I создается академический комплекс в Петербурге, куда кроме собственно Императорской Академии наук входят университет и гимназия. Но эти учебные заведения влчат жалкое существование в течение всего столетия и умирают естественной смертью. Удачнее обстоит дело с духовными школами, созданными в 1721 г. в силу Духовного регламента Феофана Прокоповича: одна из них, Харьковский Коллегиум⁷, становится значительнейшим центром просвещения Слободской Украины (на юго-западе страны образование вообще прививается легче, поскольку почва для него лучше подготовлена). Однако литературная программа преподавания там была довольно скудной: так, в одной из инструкций второй половины XVIII в. в Коллегиуме предполагалось читать: дистихи Катона, Федра, Овидия (одну элегию из «Tristia») и одну оду Горация; из Цицерона – речь «За Кв. Лигария», также некоторые речи из Саллюстия, Курция и того же Цицерона «De officiis». Латинский язык преподавался и для устного общения, но это был, конечно, весьма далекий от классической латыни вариант, не вполне соответствовавший даже грамматическим нормам Вульгаты⁸. Тем не менее Харьковский коллегиум дал России Гнедича.

Кроме школы, необходимо считаться с домашним воспитанием: такой блестящий знаток латинской литературы, как А.Д. Кантемир, именно так приобрел свою великолепную эрудицию. Впоследствии со своими гувернерами учат латынь князь И.М. Долгорукий, И.М. Муравьев-Апостол, только год проучившийся в пансионе Л. Эйлера на Васильевском острове и ставший замечательным знатоком античных древностей, знаменитый министр просвещения граф С.С. Уваров, многие славянофилы – Ю.Ф. Самарин, А.С. Хомяков. Но в большинстве своем лучшие латинисты первой половины столетия выходят из стен духовных академий – прежде всего в Киеве, Петербурге и Москве. Для дворян при Анне Иоанновне в 1731 г. создается Сухопутный Шляхетский корпус, где также можно было приобщиться к истокам европейской культуры (что с успехом делают такие крупные писатели, как А.П. Сумароков и М.М. Херасков).

⁶ Николаев С.И. Литературная культура петровской эпохи. СПб., 1996. Гл. 1. Литературная полтика Петра I и переводная литература. Экскурс 1. Античность в кругу переводных памятников. – Автор отмечает пренебрежение к поэтическим памятникам (с. 25).

⁷ О Харьковском коллегиуме см. Любжин А.И. Харьковский коллегиум в XVIII и начале XIX столетия // Лицейское и гимназическое образование. 1998. 6 (7). С. 19–24; 1999. 1 (8). С. 17–27.

⁸ Тем не менее среди русского (прежде всего южнорусского) духовенства были и весьма начитанные в древних авторах люди. Архимандрит Платон (Любарский) в письме к Н.Н. Бантыш-Каменскому писал о недавно скончавшемся генерале А.И. Бибикове, цитируя применительно к нему суждение римлян об Августе в «Эпитафие о Цезарях» из корпуса Аврелия Виктора (De Caes. 1): «О Бибиков! или бы он вечно жил, или уж его никогда бы на свете не было!» (цит. по кн.: Грот Я. Жизнь Державина. М., 1997. С. 87).

Знакомство с латинской литературой, с одной стороны, становится общественной потребностью, а с другой, оказывается доступным и без знания языка. Переводческая деятельность развивается все более бурно, и некоторые тогда переведенные авторы (например, Веллей Патеркул, Валерий Максим) долго еще не привлекают к себе внимания переводчиков. Входят в моду эпитафьи, девизы, экслибрисы, надписи, почерпнутые из латинских классиков (Вергилий, Гораций, Овидий, Лукан) и приводимые в оригинале⁹. М.Н. Лонгинов характеризует эпоху следующим образом: «Греки и римляне, вечные учителя и образователи человечества, были лучше знакомы нашим дедам, чем нам. Они могли уже тогда читать в русских переводах Гомера, Гезиода, Анакреона, Платона, Аристотеля, Плутарха, Ксенофонта, Вергилия, Горация, Овидия, Цицерона, Тацита, Саллюстия и других древних авторов. Так как сочинения их раскупались, то нет сомнения, что пишущая братия того времени была просвещена и что не только она, но и вообще люди, имевшие склонность к образованию, читали иногда древних. Итак, XVIII век имел в этом отношении немалое преимущество перед нынешним временем»¹⁰.

Приведем поучительный пример такого знакомства русского общества с латинской литературой: раздел «Стихотворство Латинское» в анонимном очерке, посвященном всеобщей истории поэзии и опубликованном в московском университетском журнале «Полезное увеселение»¹¹:

Стихотворство, так как и прочие знатные искусства, весьма поздно открыты были римлянам. Они упражнясь более пяти сот лет в воинских действиях и предприятиях, не имели вкуса к тому, что называлось наукою. Победенная и покоренная Греция, покорила сама себе своих победителей новым родом победы, и имела над ними владычество, кое было тем славнее, что было непринужденно, и основано на превосходстве просвещения сего народа, которое возбудило в римлянах к ним почтение, как скоро стало известно. Сей ученый и обходительный народ, будучи соединен безпрестанным сообщением с Римлянами, истребил из них помалу сии грубые и суровые поступки, которые у них остались от их древности, и вперил в них вкус к искусствам способным исправить, укротить и просветить разум.

Сия щастливая перемена началась Стихотворством, которого главное свойство есть угождать, и которого прелести наполненные приятностью и увеселением, тем удобнее и скорее вселились; однако оно сперва было грубо и неправильно. Сие Стихотворство начало свое восприяло на театре, и там на себя приняло вид гораздо приятнейшей и украшеннейшей. Оно, так сказать, испытало себя в Трагедии, Комедии и Сатире, которую нечувствительными приращениями привело до степени совершенства.

Римляне не имели у себя более четырех сот лет, никаких *Сценических игр*. Случай и роскошь произвели в одном их праздновании, стихи ** Фесценнические **,

⁹ См. Воробьев. Ук. соч. С. 143 слл., 183 слл.

¹⁰ Лонгинов М.Н. Новиков и московские мартинисты. СПб., 2000 (первое издание – М., 1867). С. 34. Ср. Взгляд на мою жизнь. Записки действительного тайного советника Ивана Ивановича Дмитриева. В трех частях / Изд. М.А. Дмитриева. М., 1866. С. 45–46. Перечень переведенных произведений из древних и новейших литератур сопровождается словами: «Все это переводимо и издаваемо было скромными любословами в пятидесятых и семидесятых годах, без малейшего шума, без ожидания перстней (намек на Гнедича? – А.Л.), без нынешних легких и прибыльных средств сбывать работу свою через подписки во всех губерниях; без покровительства, наконец, журналистов-приятелей».

¹¹ Полезное увеселение на Месяц Майй 1762 года. С. 210–215. Как видно из очерка, для тогдашнего русского читателя представляли интерес сведения – хотя бы и самые беглые – в том числе и о второстепенных фигурах латинской поэзии. Текст приводится с максимально возможным сохранением орфографии, пунктуации и оформления оригинала XVIII в.

* Здесь говорится о том, когда Стихотворства в Риме начало приходит в совершенство; по тому что оно еще было известно во времена Нумы Помпилия.

** Сии стихи получили наименование свое от одного города в *Гетрурии*, называемого *Фесценния*, откуда они перешли в Рим.

(Fescennins) которые им служили около 120 лет вместо драм. Они были грубы и без всякой меры, так как выдуманные невзначай, и сочиненные народом еще диким, неимеющим других учителей, как забавы и пиршества, преисполненные грубыми насмешками, и сопряженные с телодвижениями и плясанием.

Сим вольным и беспорядочным стихам наследовал другой род поэмы, благопристойнее первой, которая так же была изобильна веселыми насмешками. Сия поэма стала известна под именем *Сатиры*, (*Satura*) по причине своего различия; и сия Сатира имела правильную музыку и плясание: но безличные телодвижения были из нея изгнаны. Сии Сатиры были честные шутки, где зрители и действующие лица были без различия пересмеваемы.

Ливий Андроник застал дела в сем состоянии, когда он вздумал первой сочинять *Трагедии* и *Комедии*, подражая Грекам. Он был невольник *Ливия Салинатора*, у коего обучал дочерей, и на последок от него был отпущен на волю. Он представил свою первую Трагедию в первой год по окончании первой Пунической войны, в 514 году от создания Рима, а около ста шестидесяти лет по смерти Софокла и Еврипида, пятьдесят лет после Менандра, и двести дватцать прежде кончины *Виргилия*.

Другие стихотворцы, почерпая из самого того источника, следовали его примеру: *Невий*, *Энний*, *Цецилий*, *Пакувий*, *Аттик* или *Акция*, *Плавт*, *Теренций* и *Сенека*, были славнейшие Латинские в драмах Стихотворцы. Первые семь жили почти все в одно время в продолжение шестидесяти лет, выключая *Теренция*, которой был всех их гораздо моложе и *Сенеки*, которой жил спустя два века после первых.

Луцилий, всадник Римской, почитается изобретателем Сатиры в разсуждении того, что он привел ее в порядок, каким после *Гораций*, *Персей* и *Ювенал* писали. В сем первой пример ему подал *Энний*.

Расстояние времени от *Юлия Цесаря* до половины владения *Тивериева*, заключающее в себе около ста лет, было наиблагополучнейшим временем для наук, а особливо в царствование *Августа*. Сей великий Государь находил от трудов воинских себе отдохновение в глубоком чтении. Он был для ученых больше друг, нежели покровитель. Владение его может называться для свободных наук, *златым веком*. Стихотворцы, Ораторы и Историки преизобиловали тогда в Риме, и вознесли славу оного до самой высочайшей степени. В его время науки достигли совершенства. Никогда они не были в такой славе и употреблении, как в то время. Знатнейшие Стихотворцы при нем были следующие.

Виргилий особливо прославился своей эпической поэмой называемой *Энеида*, по имени *Энея Героя* оной. Почтение, которое отдавал *Август* сему сочинителю, доказывает, сколь он был славен. Сей Государь будучи на войне против *Кантабров*, среди великих воинских трудов, принуждал его многими письмами, прислать часть *Энеиды*. *Виргилий* от того всегда отрицался, извиняясь слабостью своего сочинения. Он был пример смирения всем ученым; ибо сколь ни была прекрасна его *Энеида*, однако он почитал ее несовершенною, и хотел употребить три года на исправление оныя. Но смерть его застигла среди сего намерения. Он чувствуя ее приближение, просил, чтоб подали ему его письма, между коими находилась и *Энеида*, дабы их бросить в огонь. Но как отреклись зделать ему сие угодение: то он не позабыл приказать чрез свою духовную, сие исполнить.

Гораций, которого, хорошее воспитание вспомоществовало природной остроте был весьма любим *Меценатом* и *Августом*. Он препроводил пять лет в *Афинах*, где обучался Философии. Чрезмерно любил уединение, и не хотел на себя принять чин тайного секретаря, которым *Август* его жаловал. Писал *Оды*, *Сатиры*, *Эпистолы* и науку о Стихотворстве.

Овидий, которому чрезвычайная вольность в Стихотворстве, или вероятнее сказать, любовь причинила ему изгнание, где он препроводя десять лет, умер. Имел великую способность к нежным стихам, написал *превращения*, несколько *Елегий*, Трагедию *Медеою*, и прочие сим подобные сочинения.

Федр написал стихами пять книг, веселых, полезных и нравоучительных басен.

После *Августа*, прославились: *Сенека* Трагедиями, *Лукан* сочинением поэмы, называемой *Фарсалия*, в которой он описывал войну Цесаря с *Помпеем*; *Персий*, *Ювенал*, *Петроний*, Сатирами; *Стаций* двумя поэмами: *Тебаидой* и *Ахил-*

лейдой, Марциал эпиграммами. Из них некоторые жили при Клавдии, а прочие при Нероне. После их Латинское Стихотворство пришло в крайней упадок. Клавдий живший во времена Аркадия и Онория, которые ему поставили статую, достоин некоторого примечания. Он имел в себе многие свойства *Виргилия*: его ругательные сочинения против *Руфина* и *Евтропия*, были в великом почтении.

Авзоний жил при Императоре Грациане. Он будучи им возведен в Консульское достоинство, не перестал упражняться в Стихотворстве.

С. Проспер, *Аполлинарий*, *Воеций* Консул, и *Епископ Фортунат*, были последние славные Латинские Стихотворцы.

По разорении сей великой империи от Варваров, все словесные науки на западе угасли. А Стихотворство тогда сделалось упражнением кукольных игроков, которые были объявлены безчестными от Карла великого и запрещены Соборами.

При Елизавете Петровне и Екатерине школьное дело развивается бурно. В 1755 г. создается Императорский Московский университет с двумя гимназиями (среди его выпускников Д.И. Фонвизин, А.Ф. Мерзляков и М.Н. Муравьев, один из замечательнейших поэтов XVIII столетия и прекрасный знаток античных древностей) и филиалом в Казани (1758 г.), знаменитым благодаря Г.Р. Державину и С.Т. Аксакову. Филиал этот позднее прекратил свое существование «за недостатком средств», был восстановлен при Павле I и вскоре затем преобразован в Казанский университет. Приглашенные профессора – знатоки античных древностей; так, историк И.Г. Рейхель в своей речи «О том, как древние сообщали любовь к Отечеству» ссылается наряду с греками и новейшими авторами на Горация, Лактанция, Валерия Максима, Вергилия; математик Рост – на Цицерона, Ювенала, Боэция, Горация, Петрония, Сенеку, Кв. Курция, Вегеция, Лукана, Тацита, Проперция¹². Заводится образование для девушек (1764 г.); преобразуется кадетский корпус; в 1779 г. в Москве М.М. Херасков учреждает при университете Благородный пансион, которому суждено было стать колыбелью замечательных литературных талантов – Жуковского, Лермонтова, Шевырева; в восьмидесятых годах создаются народные училища.

Для екатерининской эпохи характерно распространение просвещения вширь – оно, конечно, неизбежно теряет в глубине, но академические и университетские центры по мере сил борются с этой опасностью. С.Н. Глинка в своих «Записках» с высоты прожитых лет вспоминает об увлечении Римом, которое переживала дворянская молодежь в Кадетском корпусе: «Древний Рим стал и моим кумиром. Не знал я, под каким живую правлением, но знал, что воленость была душою римлян. Не ведал я ничего о состоянии русских крестьян, но читал, что в Риме и диктаторов выбирали от сохи и плуга. Не понимал я различия русских сословий, но знал, что имя римского гражданина стояло почти на чреде полубогов. Исполинский призрак Древнего Рима заслонял от нас родную страну – и в России мы как будто видели и знали одну Екатерину»¹³.

¹² *De veterum ratione amorem patriae commendandi. In festo natali Augustissimae Monarchae Magnae Dominae CATHARINAE II totius Russiae Imperatricis et Autocratoris cet. cet. ab Universitate Caesareo-Moscovensi die XXII Aprilis MDCCLXXV summa devotione celebrando breviter dissertit Ioannes Gottfried Reichel, Professor Historiarum publicus ordinarius. Moscuae Typis Universitatis Caesareo-Moscovensis 1775. P. 6, 10, 11. De perenni gloria imperantium quam ex felicitate populorum promota acquirunt. Oratio sollemnis qua Augustissimae, invictissimae, clementissimae Dominae CATHARINAE II omnium Russiarum Imperatricis et Autocratori Magnae, atque sapientissimae Patriae Matri etc. etc. in publica Universitatis Caesareo-Moscovensis celebritate ad recolenda Imperii felicitate inchoati auspicia D. XXX. Iunii A. R. MDCCLXXVI. Ea qua decet maxima submissione gratulatur ad hunc actum constitutus Ioannes Ioachimus Iulius Rost Collegiorum Consiliaris et Profess. Math. Publ. Ordinar. Moscuae Typis Caesareo-Moscovensis Universitatis, passim.*

¹³ Цит. по: *Глинка С.Н. Записки // Золотой век Екатерины Великой. Воспоминания. М., 1996. С. 71.*

Для этого, конечно, не нужно непременно читать даже Тита Ливия и Тацита – Плутарха будет вполне довольно (хотя и Тита Ливия, и Тацита тоже читали). Знание древних языков представляет собой редкость среди дворян (за исключением тех, кто окончил курс Московского университета или какого-либо иного из лучших учебных заведений, а их было немного). Один из эстетически одаренных дворян В.С. Филимонов позднее в шуточной поэме «Дурацкий колпак» вспоминает о своем образовании (которое он получил на рубеже столетий)¹⁴:

Плутарх и Ливий был забыт,
Саллустий пламенный, разгневанный Тацит,
Без них век целый Фирс провел благополучно...
Меж римско-греческих теней
Не все ж сидеть мне с мертвецами;
И, я не потаю пред вами,
Мне посмотреть живых хотелось людей.

Однако для молодежи, воспитанной на рубеже веков, это не единственный подход. Ал.И. Тургенев пишет из Рима 13 апреля 1833 г. П.А. Вяземскому¹⁵:

Из Monte-Cassino и San-Germano возвратились мы на другой день в Капуу, и отсюда прежней дорогой в Рим; но в этот раз я видел прелестную Террачину в прекрасное утро и в сумерки вечера, когда в самом центре города стада укрывались в пещерах утеса, над коим возвышалась громада Теодорикова дворца, в развалинах. Город – в горах и утесах; море подымало стены нашего трактира и разбивалось о груды камней, свалившихся с высот *Анксура* – древнее название Террачины в стихе Горация: *Impositum saxis late candentibus Anxur*. Из Террачины по пути *Апиянскому*, который древние называли *Regina Viarum*, может быть и потому, что Кесарь и Императоры, от Августа до Теодорика, пролагали его, поскакали мы к *Mola di Gaetta*, которой вид предпочитают некоторые Неапольским. На пути в Неаполь завтракал я здесь в вилле Цицероновой морскими раками; теперь читал в ней письма Цицерона и стихи Горация, коими запасся в Капуе. Эти места напоминают беспрестанно или смерть Цицерона, или путешествие Горация, или кормилицу Энея, Каэту:

Tu quoque littoribus nostris, Aeneija nutrix,
Aeternam moriens famam Cajeta dedisti, etc...

Как же не читать их здесь, хотя и в Неапольском охолощенном издании?

Александр I намечает обширные реформы. Наряду с прочими в 1802 г. учреждается Министерство народного просвещения, в течение нескольких ближайших лет главные народные училища преобразуются в губернские гимназии (их четырехлетний курс переполнен реальными предметами, носит отчетливо энциклопедический характер, и присутствие в программе латыни, конечно, является чистой воды профанацией)¹⁶, открывают свои двери публике универси-

¹⁴ Филимонов В.С. «Я не в Аркадии – в Москве рожден...» Поэмы. Стихотворения. Басни. Переводы. М., 1988. С. 28. Ср. 15-й афоризм М.Ю. Лермонтова: «De mortuis non nisi bene, золотое правило древних! Не оно ли причиною славы Горацийев и Квинтилианов?» (Мысли, выписки и замечания // *Лермонтов М.Ю.* Полное собрание сочинений. Т. 4. М., 1953. С. 380).

¹⁵ Архив братьев Тургеневых. Вып. 6. Переписка Александра Ивановича Тургенева с кн. Петром Андреевичем Вяземским. Т. I: 1814–1833 / Под ред. и с примеч. Н.К. Кульмана. Пг., 1921. С. 190–191. Ср. Архив... Вып. 2. Письма и Дневник Александра Ивановича Тургенева геттингенского периода (1802–1804 гг.) и письма его к А.С. Кайсарову и братьям в Геттинген (1805–1811 гг.) / С введ. и примеч. В.М. Истрина. СПб., 1911. Вергилия Ал.И. Тургенев цитирует для иллюстрации перемен по правительственной и судебной части. См. также с. 212: «После обеда был у Митшерлиха и записался к нему для Латинских уроков от 3 и до 4 после обеда, пять раз в неделю. Приятной сюрприз для Батюшки, когда я вдруг в глазах его переведу место из Цицерона. С чувством гордости и самодовольства скажу я тогда ему: “Это одно только, что я сделал без вашего позволения! И верно, вы не имеете причин пенять мне, а я – раскаиваться”».

¹⁶ Нет правила без исключения. Некоторые выпускники Московской губернской гимназии, например М.П. Погодин, владели латинским языком превосходно.

теты в Казани, Харькове, чуть позже в Петербурге. В 1811 г. создают Царско-сельский лицей с шестилетним энциклопедическим курсом, где номинально фигурирует латынь (Жозеф де Местр своим личным вмешательством спасает несчастных лицеистов от греческого, химии, зоологии, ботаники и психологии)¹⁷. Тратя громадные суммы на новые школы, совершенно не дорожат старыми, испытанными и зарекомендовавшими себя блестящими успехами: университетские гимназии Москвы не пережили пожар 1812 г.¹⁸ Поверхностность и невежество, невольное поощряемые неразумной постановкой школьного дела, становятся всеобщим девизом: когда в 1809 г. император в отчаянии издал указ, согласно которому чин коллежского асессора давался только по экзамену¹⁹, общественность была глубоко потрясена и возмущена: «Одни из дворян были не в состоянии отправлять детей в Москву; другие пугались премудрости и такому множеству наук, не почитая их для одной головы возможными; а большую часть и не хотели воспользоваться, утешаясь одним всеобщим ропотом на невозможность достичь асессорства!.. Например, о латинском языке было такое понятие (впрочем, то же и нынче в провинциях), что он нужен только для лекарей и семинаристов. Как все удивились, что по этому указу требуется для дворянских детей знание языка латинского! Самое слово: студент, звучало чем-то не дворянским!..»²⁰.

Тем не менее атмосфера европейского просвещения делала свое дело. Фигуры, широко знакомые с латинской литературой по оригиналам, представляли собой редкость (кроме уже перечисленных, к той эпохе относятся П.А. Катенин и А.Ф. Бриген, первый из которых был близок к декабристам, а второй сам участвовал в бунте²¹). Но, сняв это требование, мы все же вынуждены будем согласиться, что знакомство с римскими авторами делает определенные успехи. Л.Н. Толстой сохраняет историческую достоверность, когда выводит одного из главных героев «Войны и мира» читающим «Записки» Цезаря. Люди поколения декабристов интересуются в основном историками. Труды последних – прежде всего Саллюстия, Цезаря, Тацита – находятся в библиотеках Н.М. Муравьева, А.Ф. Бригена²². А.А. Бестужев и Ф.Н. Глинка заглядывают даже в Квинта Курция. Саллюстий в оригинале и во французском переводе сопровождает М.И. Муравьева-Апостола в Форт-Славу. Здесь завязывается утомительная борьба над телом Патрокла²³: над античными штудиями все время висит по-

¹⁷ Интересна его аргументация против введения в курс греческого языка: «Поверьте, г. граф, трудолюбивым людям, которые занимались этим языком, столь красивым и столь трудным: нет в России ни одного юноши, рожденного в высших классах общества, кто не предпочел бы проделать три кампании и участвовать в шести регулярных батальях, нежели затвердить назубок одни только греческие спряжения» (*Maistre J. de. Cinq lettres sur l'éducation publique en Russie, à M. le comte Rasoumowsky, ministre de l'instruction publique. Première lettre // Lettres et opuscules inédits du comte Joseph de Maistre. 3ème éd. P., 1853. P. 300*).

¹⁸ Их выпускнику М.Н. Муравьеву, товарищу министра просвещения и попечителю Московского округа, удалось сохранить их в рамках общих преобразований как место подготовки ученых чиновников для Министерства просвещения.

¹⁹ Указ от 6/18 августа 1809 г. «О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках для производства в коллежские асессоры и статские советники» (Полное Собрание Законов Российской Империи. № 23771).

²⁰ *Дмитриев М.А.* Мелочи из запаса моей памяти // *Дмитриев М.А.* Московские элегии. М., 1985. Ср. лаконичную эпитафию «Высокоученому», принадлежащую перу сатирика А.Н. Нахимова: «Гниет здесь гордая латынь. Аминь» (Сочинения Акима Нахимова в стихах и прозе, напечатанные по смерти его († 1815 – А.Л.). М., 1822. С. 109).

²¹ Он дал такие показания следственной комиссии: «Я наиболее старался усовершенствоваться в истории и языках новейших и латинском». Свое свободолюбие он приписывал чтению Тацита (см. *Волк С.С.* Исторические взгляды декабристов. М.–Л., 1958. С. 189–190).

²² Там же. С. 181 слл.

²³ На самом деле даже раньше: благонамеренному Карамзину было запрещено опубликовать перевод из Демосфена, а, по мнению цензуры, «таких авторов переводить не должно», как и Саллюстия и Цицерона (Там же. С. 182).

дозрение в республиканстве и вольномыслии, их сторонникам приходится оправдываться (как Пушкину в его знаменитой записке «О народном воспитании»²⁴). Известный ревизор Казанского университета М.Л. Магницкий удовлетворенно отмечает результаты своих усилий на берегах Волги: «В житиях святых исчезла тень Брутов»²⁵.

Маятник колеблется из стороны в сторону; плодотворнейшим периодом в истории русского просвещения становится министерство С.С. Уварова (1833–1849). Устав 1828 г. – подлинный триумф здоровых подходов к просвещению, и российская гимназия выходит, наконец, на правильную дорогу. Сами классические древности приобрели от этого меньше всего; зато стремительно ускоряется развитие естественных и гуманитарных наук. Наряду с екатерининской эпохой николаевская – кульминационный пункт русской образованности. Основные общественные течения эпохи – западники и славянофилы – представлены замечательными эрудитами, хорошо знакомыми с европейской культурой и античными древностями. Но для первых это во многом пройденный этап, и в защиту классического образования поднимет свой голос только Т.Н. Грановский, а вторым, воскресившим дух борцов XVII в. против западного засилья, в силу русского консерватизма не хватает вкуса к Риму²⁶. Славянофилам так и не удается превратиться в мощное общественное движение, и в конечном итоге их идеология сближается с узким национализмом, а среди западников верх одерживают наиболее нетерпимые и невежественные, которых тяготят культурные реминисценции, свойственные первым – благороднейшим – представителям этого умонастроения.

Описание борьбы правительства и правительственной интеллигенции с духом времени, как и подробный анализ педагогических концепций и систем, непосредственно и тесно связанных с этой борьбой, завел бы нас слишком далеко. «Пагубная роскошь полупознаний, коей начало есть порча нравов, а конец – гибель» – объявленная в Манифесте о наказании декабристов причина возмущения – отныне уже сделала навсегда невозможным благодушие прежней эпохи. Анекдот превращается в трагедию, чтение древних классиков – из частного дела, которым оно было раньше, в акт гражданского мужества либо расписку в собственной безнадежной ретроградности. Отчаянная борьба Уварова была обречена на поражение европейской революцией: отныне в глазах правительства признаком благонадежности стали естественные науки. Начало 1850-х годов знаменует разгром уваровской школы. Александр II последовательно Уставами 1864 и 1871 годов (второй – при ненавидимом лютой ненавистью всеми сторонниками «прогресса» министре Д.А. Толстом) старается спасти положение, преобразовав русскую гимназию на классических началах на манер прусской, но в глазах общества – особенно так называемого «передового» – древность со сво-

²⁴ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 9-ти томах. Т. 5. М., 1954. С. 25–29.

²⁵ Цит. по кн.: Волк. Ук. соч. С. 176.

²⁶ Так, С.П. Шевырев в своем (опубликованном посмертно) лекционном курсе уделил латинской поэзии одно чтение – значительно меньше, чем Гомеру, совершенно скомкав римскую тему (История поэзии. Чтения адъюнкта Московского университета Степана Шевырева. Т. 2. СПб., 1892). Много резких реплик в адрес Рима у А.С. Хомякова, например, в «Семирамиде»: «Сухость мысли <у французов>, мертвая условность, поглотившая все лучшие стремления души, скудость фантазии, бесчувственность к стройному и прекрасному ясно свидетельствует о влиянии древнего Рима, совершеннейшего представителя вещественной силы, холодного расчета и положительной выгоды» (Хомяков А.С. Сочинения в 2-х томах. Т. 1. Работы по историософии. М., 1994. С. 110).

им эстетизмом безнадежно скомпрометирована. Каролина Павлова с ностальгией пишет в предисловии к «*Laterna magica*»²⁷:

Марая лист, об осужденьи колком
Моих стихов порою мыслю я;
Чернь светская, с своим холодным толком,
Опасный нам и строгий судия.
Как римлянин, нельзя петь встречи с волком
Уж в наши дни, иль смерти воробья.

Реформы приводят к массовой демократизации жизни; привилегиям происхождения приходят на смену привилегии образовательного ценза (отнюдь не образованности!); полуграмотные разночинцы, с грехом пополам отбывавшие номер в одном из университетов империи, где они вкушали плоды «пагубной роскоши», требуют и добиваются неслыханных льгот, например, по воинской повинности; но благодетельный указ императора Александра I на них уже не распространяется. Они отбирают у дворянства ведущие позиции в культуре, которые захватывают прежде всего выпускники духовных семинарий. В этой сфере, если верить знаменитым «Очеркам бурсы» Помяловского, много «человеческой, слишком человеческой» патологии; необходимо, конечно, учитывать эффект впечатления, но факт остается фактом: от гангрены и белой горячки гибнут с таким же удовольствием и в том же возрасте, что раньше на дуэлях и в многочисленных войнах. Именно в этот момент семинарии переживают критический период своей истории: новейшие нигилистические доктрины, помноженные на бедное и беспросветное существование, так же губят русские головы, как огненная вода – туземцев Аляски и Калифорнии. На смену широко, но поверхностно образованным аристократам, читавшим древних во французских и немецких переводах, могли бы прийти знатоки древних языков, преподавание которых в семинариях стояло на достаточно высоком уровне; и действительно, среди крупных ученых второй половины века немало бывших семинаристов. Но напрасно один из образованнейших их представителей, либерально настроенный В.И. Модестов, будет обвинять современную ему литературу в неотесанности вкуса²⁸: знатоков древности будут с готовностью выслушивать лишь тогда, когда они высказываются в пользу упразднения ее изучения. При этом разложение античного компонента отечественной культуры (парадокс или закономерность?) идет рука об руку с ростом качества научных исследований: картина конца XVIII – начала XIX в. повторяется, с тем только отличием, что никто и ничто не мешает людям, знающим о Греции и Риме лишь понаслышке, быть уверенными в высоком

²⁷ Каролина Павлова. Полное собрание стихотворений. М.–Л., 1964. С. 147 (сентябрь 1850 г.). Ср. *Nor. Carin. I. 22; Catull. 3.*

²⁸ «Не замечали ли вы, что у русских писателей, иногда даже у очень прославляемых, всегда есть нечто недоделанное, нечто недоконченное, нечто, если будет позволено так выразиться, топорное, грубое, немножко претящее вкусу, развитому на образцовых писателях? Я это замечал постоянно и потому, быть может, не принадлежу к большим любителям русской литературы последнего времени. Вот это грубое, недоконченное, недоделанное, не удовлетворяющее развитого вкуса, и свидетельствует о скудости литературного и художественного образования новейших русских писателей. Прежние писатели, например Пушкинского времени, стояли в этом отношении гораздо выше. Они искали нового образования у высших образцов, были знакомы с древними писателями; потому-то они писали так выработано, так законченно, потому-то и сами сделались в своем роде классическими» (*Модестов В.И.* Классический мир с русской точки зрения (Публичная лекция, сказанная в зале Городской думы 9 марта 1885 г.). // *Новь.* 1885. № 11. С. 285).

качестве и ранге своей эрудиции²⁹. Такой представитель элиты русской образованности, как Д.С. Мережковский, писал о своих гимназических годах³⁰:

И жизнь пошла чредой однообразной;
Зазубрины и пятнышки чернил
Все те же на моей скамейке грязной,
Родной язык коверкая, долбил
Я тот же вздор латыни безобразной...

Другой его лирический герой, оказавшись в том же положении, что и автор «Онегина», не может позволить себе роскошь безмятежного расцвета и выбора между Цицероном и Апулеем: настойчивый Д.А. Толстой прокрался в каждое жилище, угнездился под зеленым абажуром на письменном столе каждого школьника³¹:

Домой он не на радость приходил:
И отдохнуть не смел ребенок бедный.
Над Цицероном выбившись из сил,
Еще князей удельных он зубрил
До полночи, измученный и бледный.

На рубеже столетий ситуацию удастся переломить. Широкое движение модернизма пробуждает в русском обществе дремлющие эстетические потребности; в революции 1905 г. частично сгорает запас антикультурных аффектов, накопленных интеллигенцией, и в общей реабилитации частной жизни со всеми ее удовольствиями в ущерб диктату политики Эллада и Рим также привлекают к себе внимание. Наряду с Эсхилом и Вергилий находит читателей. Общая болезнь русского просвещения – концентрация его в узких кружках, в то время как полуобразованная масса предпочитает питаться суррогатами, – продолжает свирепствовать во всей силе³², и с ростом влияния общественного мнения на внутреннюю политику классическая гимназия Д.А. Толстого постепенно разрушается. Тем не менее можно было надеяться на то, что когда пена схлынет, на смену придет более сильная в творческом отношении эпоха, которая могла бы продолжить все ценное в деятельности своих предшественников (частично это и осуществилось в трудах акмеистов). Но испытания мировой войны оказались для страны непосильными, и в течение следующих десятилетий усилий цвета ее образованности едва-едва хватало на то, чтобы не дать традиции окончательно погибнуть.

QUOMODO RUTENI, IMPRIMIS SAECULIS A XVIIo AD INEUNTEM XXum,
LATINITATEM DIDICERINT

Alexius Philtrius (qui et Liubzhin) Inguari f.

Michael Dmitriev Alexandri f., quem Rutenorum Aulum Gellium iure nuncupare possumus, miratur eos, quibus Ruteniae historia antiquissima ideoque obscurissima sit curae, lin-

²⁹ Об оценке преподавателей древних языков в русской литературе см. прекрасную статью: Соболева М. Страх перед латинистом // Лицейское и гимназическое образование. 1998. № 3 (4).

³⁰ Мережковский Д.С. Старинные октавы. II. XLV. См. об этой теме: Дронова Т.И. «И сладок нам лишь узнаванья миг...». Античность в культурологической рефлексии Д.С. Мережковского // Античный мир и мы. Вып. 4. Материалы и тезисы конф. Саратов, 21–22 марта 1997 г. Саратов, 1998. О третьей гимназии, где учился Мережковский, см. Петербургская б. третья гимназия, ныне 13-я советская трудовая школа. За сто лет. Воспоминания, статьи и материалы. Пг., 1923.

³¹ Мережковский Д.С. Вера. Повесть в стихах. Гл. I. XXVIII.

³² Министр просвещения А.Н. Шварц 30 августа 1908 г. пишет своему ученику, великому филологу-классику С.И. Соболевскому: «Упорядочить учебные заведения все равно мне не дадут: русские все готовы вынести, кроме ученья...» (ОПИ ГИМ. Ф. 310. Ед. хр. 9. Л. 462).

guam Germanicam discere oportere, doctrinamque igitur eruditionemque Rutenicam, cum aliarum maxime dissimilis sit, sui iuris tamen non esse. Beatos nepotes ac pronepotes dicit, qui haec explicare possint; ipse autem de desidia litterarumque odio queritur. Doctrinam Rutenicam unum in locum coactam, et quidem in talem, quo plerique homines litterati nequaquam spectent, turpiter esse ait.

Cum Rutenorum ludi litterarum, ubi lingua Latina disci posset, serius instituti sint, primus, quod scimus, Latinitatis fautor Andreas Kurbskij dux iam patria profugus exstitit, quem hanc didicisse auctoresque optimos legisse constat: nam Ioanni Terribili principi, cuius iram eluserat, Ciceronis a se in Rutenicum versi excerpta misit. Translationes tamen alias quoque factas et lectas esse certo scimus: Donati ars grammatica saeculo XV° versa atque archiepiscopo Gennadio dono a Demetrio Gerasimov missa est, Pomponi Melae librorum saeculi XVIⁱ manuscriptum habemus. Saeculo XVII° medio Petri Mohilae collegium Cioviense ferro Polonis ereptum est ideoque linguae Latinae discendae copia exquisita. Academia Moscoviensis anno MDCLXXXV iussu ac privilegio Patriarchae condita atque ab aliis aucta atque maximum ad honorem provecta doctrinae fundamenta in saecula iecit, ut omnibus volentibus fructus scientiae daretur. Latinitatis odia Academiae principiis opposita cito spreta in desuetudinem cecidere. Petri Magni auspiciis auctores optimi in Rutenicum versi in aspectum lucemque prolati sunt, quam rerum scriptores artisque bellicae tam poetae. Ab eodem collegia sacerdotalia inchoata esse oblivisci non debemus, quibus locis iuventus litterarum avida, non solum clericorum filii, verum etiam nonnulli e nobilitate solidiore doctrina imbuti auctores Romanos non sprevere; nec non et Academiae Petropolitanae operibus, Petri iussu, Catharinae Iae vero Augustae temporibus conditae doctrina Rutenica fulta est.

Educationis nobilium principia aliorumque civium cum clericorum ludis litterarum committi diu non potuere. Universitate tamen Moscoviensi cum gymnasiis condita eiusque dicionis Casanensibus gymnasiis additis largior scientia in omnes populi Rutenici ordines profunditur. Quam ob rem Elisabethae beatae memoriae Augustae erga doctrinam Rutenicam merita inter omnes excellentissima patriam nostram ad maiorem gloriam provehunt. Catharinae IIae auspicia felicissima Rutenicae gloriae florem terra marique domi militiaeque omnibus doctrinis atque artibus liberalibus facta esse satis constat. Inde saeculi studia elegantiora, inde auctores optimi a pluribus lingua Latina lecti aliorumque ad usum lingua vernacula versi, inde litterarum antiquarum fautores doctissimi, inde artis doctrinaeque incrementa, quibuscum perpauca committi valeant.

Alexandro Io regnum adepto rerum ordo penitus mutatur. Cum alia, tum etiam eruditionis publicae consilium ab ipso conditur. Omnis generis ludis litterarum pluribus institutis res haudquaquam bene cessit: quattuor annorum curriculum omnibus gymnasiis assignatum (quae in provinciarum capitibus factae sunt) magis machinis hydraulicis molisque inspiciendis operam dare cogebat solidioribus studiis neglectis. Nicolaus quidem Ius rem ad melius provexit. Gymnasiorum status anni MDCCCXXVIII secundum post Catharinae Magnae tempora culmen humanitatis Rutenicae paravit, ut qui VII annorum curriculo ab omnibus nequitiis vacuo ad studia solidiora viam aperuit. Pro dolor! suis manibus Caesar optimus domum in petra a se aedificatam divulsit, id imprimis post annum MDCCCXLVIII^m timens, ne pueri liberalioribus doctrinis imbuti, quibus res publica Atheniensis vel Romana satis superque abundaverat, Rutenorum imperium everterent neve omnia cruore mergerent. Itaque studia Graeca litterarum e ludis paene fugata, Latina vero diminuta.

Harum rerum poena nequaquam cessavit. Iuventus solidiore a doctrina semota Buechnerum aliosque auctores nequissimos legens iam omni ordini periculo fuit. Alexander IIus regnum adeptus morbum curare conatus est. Minister publicus eius comes diligentissimus Demetrius Tolstoj Andreae f. gymnasia Graeco-Latina reparavit, linguarum antiquarum dignitatem restituit. Vereor autem ne sero haec facta sint: nullus iam in iuventute ardor studendi, arrogantiae quidem maximus, nulla doctrina, vana doctrinae imago paene in omnibus. Itaque fructus eius dulcis – id est ampli honores ampliore cum salario – omnibus gustandus esse putabatur, radix autem amarus a plerisque spernebatur. Unus ministrorum publicorum, quibus haec omnia curae erant, Alexander Schwartz grammaticus doctissimus amico suo Sergio Sobolevski Ioannis f. in litteris a. d. II. Kal. Sept. anni MCMVIII scriptis «Ludos, – inquit, – litterarum componendi copiam haudquaquam habeo: omnia Rutenis tolerabilia sunt praeter doctrinam». Itaque humanitas iam antea collapsa post res eversas hoc unum passa est, non omnino litterarum antiquarum scientiam apud Rutenos emori.